

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.1715](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1715)

О. Г. Исупова

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ЖИЗНЕННЫХ ПЛАНОВ МОЛОДЕЖИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Правильная ссылка на статью:

Исупова О. Г. Гендерная специфика жизненных планов молодежи Дальнего Востока России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 602—628. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1715>.

For citation:

Isupova O. G. (2020) Gender Specifics of Youth Life Planning in the Russian Far East. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 602—628. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1715>. (In Russ.)

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ЖИЗНЕННЫХ ПЛАНОВ МОЛОДЕЖИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

ИСУПОВА Ольга Генриховна — PhD, доцент, старший научный сотрудник, Институт демографии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: oisupova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4189-2063>

Аннотация. Данная статья посвящена жизненным планам студентов и школьников Дальнего Востока, сформулированным ими в ходе фокус-групп по изучению миграции в сентябре — октябре 2019 г. Этим планам свойственна разная степень конкретности, реалистичности или, наоборот, идеалистичности, что не всегда связано с возрастом (самым младшим участникам было 14 лет, самым старшим — чуть более 20). В жизненных планах прослеживается определенная гендерная специфика, ставшая основным предметом рассмотрения в данной статье. Наш исследовательский вопрос состоит в том, насколько эта гендерная специфика воспроизводит традиционные гендерные нормы и идеалы и в какой степени ее коснулись модернизационные представления. Исследование показало, что школьники и студенты Приморского края демонстрируют сложную совокупность традиционных и модернизированных характеристик жизненных планов, причем гендерная составляющая этих особенностей проявляется достаточно ярко и в традиционной, и в «современной» части. У юношей и девушек растет стремление к индивидуализированному жизненному пути и готовность гибко адаптироваться к изменениям всю жизнь.

GENDER SPECIFICS OF YOUTH LIFE PLANNING IN THE RUSSIAN FAR EAST

Olga G. ISUPOVA¹ — PhD, Associate Professor, Senior Research Fellow at the Institute of Demography
E-MAIL: oisupova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4189-2063>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The article focuses on life plans of the Far-Eastern students and schoolchildren which they stated during the focus groups aimed to study migration and conducted in September — October 2019. The youth life plans were characterized by varying degrees of detail, realism, or vice versa, idealism, which was not necessarily dependent on age (the youngest participants were 14 y. o.; the oldest ones were 20 and over). The article highlights that certain gender specifics can be traced in the life plans. The author puts forward the following questions: How do that gender specifics reproduce traditional gender norms and ideals? To what extent do modernization representations affect gender differences? The study shows that the life plans of the Primorsky Krai students and schoolchildren have a complex combination of traditional and modern characteristics, with pronounced gender specifics in both parts. Young girls and boys tend to strive to follow an individualized life path and to be ready to adapt to changes throughout their life

Ключевые слова: молодежь, жизненные планы, гендерные роли, миграция

Keywords: youth, life plans, gender roles, migration

Теоретические подходы к исследованиям молодежи и гендерных особенностей жизненных планов ее представителей

По определению из Большого энциклопедического словаря, *молодежь* — это «социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств, которые определяются общественным строем, культурой, закономерностями социализации, воспитания данного общества; современные возрастные границы от 14—16 до 25—30 лет»¹. Это достаточно широкое определение, но мы в нашей работе будем придерживаться именно его.

Жизненные планы молодежи важно изучать потому, что они представляют собой весьма вероятный образ ближайшего будущего, и прежде всего — социальных изменений, которые могут скоро произойти. Еще в 1966 г. было опубликовано первое исследование жизненных планов молодежи в СССР — на региональном уровне, в Свердловске [Жизненные планы молодежи, 1966]. В те времена представления молодых людей о своем будущем понимались именно как планы, так как экономика была плановой, а ситуация в обществе — достаточно стабильной; эти планы рассматривались прежде всего с точки зрения общественных потребностей, которым в идеале надо было подчинять индивидуальные цели. Понятием *жизненные планы*² исследователи в то время называли самопрогноз, ориентации, сформировавшиеся в сознании молодого человека в момент выбора дальнейшего пути, желание (ожидание) определенной направленности своей социальной мобильности [Руткевич, 2008].

В 1963 г. было проведено исследование этой темы В. Лисовским [Лисовский, 1969], где респонденты отвечали на прямо поставленный закрытый вопрос количественной анкеты: «Каковы ваши жизненные планы?» В то время для большинства юношей и девушек важнее всего было «иметь интересную, любимую работу» и «получить высшее образование», что во многом совпадало с декларируемыми целями общества. Почти так же были важны индивидуальные цели: «побывать в других странах», «добиться материального благополучия» и «создать хорошие жилищные условия», — все эти альтернативы ответов набрали примерно по 55 %—60 % голосов респондентов. Друзья, семья и дети также были важны, но набрали только около 40 % [там же: 34].

С середины 1980-х годов российская социология молодежи перестала рассматривать эту возрастную группу исключительно как объект социально-политического воздействия, за молодыми признали субъектность, право на выбор,

¹ Молодежь // Большой Энциклопедический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/201474/%D0%9C%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%94%D0%95%D0%96%D0%AC> (дата обращения: 14.09.2020).

² «Планы жизненные — определяемая человеком совокупность и последовательность своих целей на жизненном пути и способов их достижения, индивидуализированное отражение в сознании людей конкретной социальности-историч[еской] ситуации, складывающейся в общ[естве] объективно, независимо от воли и сознания отдельного человека» [Филиппов, 1998: 380].

что привело к изучению уже не жизненных планов, а стратегий жизни молодежи, предполагающих наличие долгосрочной системы целей и осознанного представления о путях их реализации [Абульханова-Славская, 1991]. Предполагалось, что на человека воздействует среда, но присутствует и элемент активного и ответственного формирования планов.

Тем временем в западной научной традиции взросление и планы начали рассматривать в рамках концепции перехода ко взрослой жизни. Неопределенность общественного устройства все время росла, и такой переход становился все более гибким: все сложнее становилось встроиться в постоянно меняющиеся, «текущие» структуры. Ситуация, когда молодые люди постепенно заполняли «приготовленные» для них обществом «ниши», постепенно менялась, и теперь молодежь должна была создавать такие «ниши» для себя. Это путь, на котором далеко не всегда удается остановиться, и, как правило, приходится часто перестраивать маршрут и перестраиваться самому [Furlong, Stalder, Azzopardi, 2000; Walther et al., 2002; Wyn et al., 2020].

По мнению Ю. Зубок и В. Чупрова, «глобальным признаком взросления молодежи и ее жизненных стратегий как в европейских странах, так и в российском обществе становились дестандартизация и индивидуализация жизненных стратегий молодежи на фоне возрастающего кризиса» [Зубок, Чупров, 2020: 19]. Институты все меньше регулировали жизнь молодежи, но все меньшей становилась и помощь от них. Напротив, более значительную роль в жизненных планах молодежи и их осуществлении начала играть специфика стартовых позиций каждого: социально-экономический статус семьи происхождения, гендер, этничность, место проживания. Все это — при растущем разнообразии возможностей в области образования и рынка труда, которые, однако, далеко не всем оказались в равной степени доступны. Переход во взрослую жизнь стал более длительным и индивидуальным, появилось новое неравенство, связанное с прекаризацией труда и другими факторами [Kelly, Kamp, 2015; Bessant, Farthing, Watts, 2017; Zaremohzzabieh et al., 2020; Касаткина, Шумкова 2020; Павленко, Якубовская, 2020].

Появилась «новая взрослость» с ненадежной работой, учебой в течение всей жизни, необходимостью гибкости и мобильности, принятием отсутствия безопасности как нормы [Crofts et al., 2015; Wyn et al., 2020]. В этой ситуации снова правильнее говорить о планах, а не о стратегиях, так как осознанные долгосрочные стратегии в таких условиях становятся нерелевантными. Однако основные жизненные цели остаются похожими на те, что были и в 1960-е годы: для молодых по-прежнему важны личные отношения и работа, меняется лишь соотношение разных сторон жизни, например, для нынешней молодежи в Австралии относительно важнее стали этические аспекты [Crofts et al., 2015].

Как пишут Ю. Зубок и В. Чупров, «молодежь через систему индивидуальных выборов воссоздает или по-новому конструирует общество как собственную реальность» [Зубок, Чупров 2017: 14]. С другой стороны, жизненные траектории молодых людей определяются изменяющейся общественной реальностью. Есть разные подходы к определению понятия «молодежь»: это возрастная группа; это период в рамках жизненного цикла; люди с определенным социальным положением; люди с особенными возрастными субкультурами; люди, имеющие определенное место и играющие некую роль в воспроизводстве общества [Семенова, 2003;

Луков, 2012; Омельченко, 2013; Зубок, Чупров, 2017, и др.]. Молодежи во всех обществах свойственны переходность социального статуса, подвижность ценностных ориентиров, склонность к экстремальности, трансгрессивность, то есть стремление переосмыслить существующие рамки социальной организации и изобрести новые [Зубок, Чупров, 2017].

Современные теории молодежи отражают обострение ее социальных проблем, неопределенность перспектив, сложности перевода своего человеческого капитала в достойные социальные позиции, особенно в периоды общественных кризисов. Теоретические представления также отражают существующие барьеры на пути принятия обществом амбиций молодежи, вытеснение некоторых молодежных групп в антиобщественные сегменты, исключение и подавление молодежи, недооценку того нового, что молодежь каждого поколения привносит в переосмысление социальной жизни.

Некоторые исследователи изучают молодежь в контексте неопределенности и рассматривают склонность к риску как основное свойство, присущее данной группе [Зубок, Чупров, 2017, 2020]. Этот подход основан на теориях неопределенности и риска в целом [Бек, 2000; Гидденс, 1994; Луман, 1994, и др.], социокультурного разрыва как нормы развития [Штомпка, 2012], приспособления к постоянно изменяющейся реальности, ее символизации [Арчер, 1999; Бодрийяр, 2000; Гидденс, 2004; Бауман, 2008]. Е. Омельченко [Омельченко, 2013] исследует молодых людей прежде всего с точки зрения множественности стилей жизни, индивидуальных и групповых стратегий их реализации.

По У. Беку, в современную эпоху наряду с производством материальных и социальных благ систематически воспроизводится риск. В то же время именно молодые люди наиболее склонны к риску, меньше думают о его возможных негативных последствиях. Это может считаться одним из важных группообразующих признаков. По мнению многих авторов, при интеграции молодежи в общество в результате разрыва между стремлениями и ориентирами, с одной стороны, и тем, что общество может предложить, — с другой, возникает несоответствие между включением в структуры и идентификацией с ними. Интеграция становится вынужденной, механической, а сами молодежные идентичности — гибкими, часто меняющимися. В результате представления о собственном будущем имеют некие гибридные черты, сочетая идеальные планы «хорошей жизни» с готовностью пока временно воспользоваться почти любыми путями обеспечения жизни повседневной — за исключением таких путей, которые предполагают высокую приверженность существующим организациям или предприятиям. Лучше всего такое сочетание обеспечивается работой за зарплату на сервисных рабочих местах: именно они дают достаточно денег «на сейчас» и позволяют «не умирать за телефонную компанию» [MacIntyre, 1981], то есть не разделять цели организации как собственные и не быть готовым отдавать ей больше определенного количества усилий и времени. Особое значение приобретают собственные представления молодежи о том, что нужно делать и как думать о жизни, «собственное понимание целесообразности, рациональности, эффективности и привлекательности» [Зубок, Чупров, 2017: 29]. Происходит как выход из-под общественного давления, так и отчуждение от общества.

При этом сохраняется преемственность некоторых традиционных форм и ориентиров поведения: в разной степени для разных групп и отдельных представителей молодежи. В частности, это очень заметно в сфере гендерных норм и идеалов³, например, касающихся распределения сфер деятельности между мужчиной и женщиной. Они не только сохраняются, но и воспроизводятся молодежью. Однако такое их воспроизводство имеет гибридный характер, происходит путем сочетания, с разной степенью согласованности, традиционных и современных норм и идеалов женственности и мужественности. Одним из вариантов может стать реинтерпретация и традиционного, и современного, наделение прошлого и настоящего другим смыслом, часто — модернизированным («перетолкование» прошлого так, чтобы оно соответствовало современности).

В настоящее время представление о социальной детерминации пола (и формировании таким образом гендера) доминирует [Штылева, Ключко, 2019]. Различия между мужчинами и женщинами в социальном поведении и во многом другом проявляются в существовании многочисленных моделей «маскулинности» и «феминности». Традиционная модель маскулинности связана с нормами патриархальной культуры, предполагает доминантность, стремление к иерархии, отрицание «женского», в том числе в себе самом, низкую эмоциональность, агрессивность. Женщины в этой модели воспринимаются как менее достойные существа, которые должны занимать подчиненное положение в обществе и семье [Плеск, 1981; Костерина, 2011; Хитрук, 2018].

Современная модель маскулинности связана с эгалитарными нормами, установками на равноправие, партнерство, эмоциональную чувствительность и открытость [Kimmel, 2008; Кон, 2011; Коннелл, 2015; Хитрук, 2018; Munsch, Gruys, 2018].

Традиционная феминность связана с установкой на материнство и замужество, значимость внешней привлекательности, хозяйственность, заботливость, чувствительность, уступчивость, незащищенность [Клецина, Иоффе, 2017]. Эта модель предполагает прежде всего зависимость и подчиненность [Коннелл, 2015]. Эгалитарная феминность соответствует представлениям о выравнивании социальных ролей и статусов мужчин и женщин в разных сферах жизни и предполагает сочетание маскулинных и феминных характеристик, способствующее лучшей адаптации к современной жизни. К замужеству и материнству добавляется ориентация на успех в профессиональной деятельности [Клецина, Иоффе, 2017].

С другой стороны, исследования показывают, что более устойчивым и традиционным остается набор характеристик «настоящего мужчины», а модель «настоящей женщины» уже давно противоречива и предполагает и феминные качества (доброту, заботу, важные для семьи), и маскулинные (настойчивость, целеустремленность и т. д., необходимые для работы, — при этом работать должны все, с точки зрения и юношей, и девушек [Тихомиров, Новицкая, 2018; Сухарева, 2018; Ерофеева, 2018]).

³ Гендерные нормы — это разновидность социальных норм, основных правил, которые определяют поведение человека в обществе в соответствии с его гендерной принадлежностью. Гендерные роли — наборы норм, определяющих, как должны вести себя мужчины и женщины. Гендерные идеалы воплощают культурные представления о мужском и женском поведении [Смелзер, 1998].

Наша основная задача в данном исследовании — выявить гендерные особенности жизненных планов (в их тесной связи с миграционными планами) молодежи разного пола и возраста в ситуации социально-экономической неопределенности и несогласованности стремлений молодых людей и девушек с теми позициями в системе, которые им готовы предоставить существующие общественные структуры. Наши первоначальные гипотетические представления состоят в том, что планы и стремления, вероятно, будут носить гибридный характер, в представлениях индивидов будут сочетаться традиционное и современное как по форме, так и по содержанию, и это будет касаться в том числе и гендерной стороны жизненных планов. Качественная методология исследования позволит выяснить, какие конкретные сочетания традиционного и современного существуют у молодежи и какими смыслами юноши и девушки наделяют традиционные и современные образцы поведения, переопределяя их. Метод фокус-групп был выбран в связи с тем, что он позволяет выявить представления участников в ситуации, предполагающей развитие групповой динамики в дискуссии с модератором. Благодаря этому можно лучше понять или почувствовать нормативную сторону формируемой этими участниками социальной среды. Для того чтобы изучать гендерные особенности миграционных планов и того, что лежит в их основе, такой метод весьма подходит. Наши выводы и построение типологии планов основаны на самообъяснениях участников в ходе дискуссий. Это инсайты, полученные в ходе фокус-групп. Пользуясь ими, мы можем выносить некоторые суждения о причинах поведения и намерений, но не делать обобщающие выводы обо всем населении региона и/или обо всех юношах или девушках, поскольку выборка не была репрезентативной. Однако такие возможные основания миграционных планов, в сопоставлении с приводимой нами статистикой по реальному поведению молодежи региона, могли бы стать базой для формирования количественного репрезентативного исследования.

Миграционные особенности Дальнего Востока как региона

Ученые считают, что молодежь — наиболее миграционно подвижная группа [напр., Efendic, 2016; van Dalen, Henkens, 2013; Bjarnason, 2014; Chort, 2014; Мкртчян, 2017; Рочева, Варшавер, 2020, и др.]. Миграционные намерения молодежи достаточно определенно связаны с фактическим миграционным поведением [van Dalen, Henkens, 2013; Bjarnason, 2014]. Разные группы осуществляют миграционные планы по-разному: чаще такие намерения реализуют мужчины [Chort, 2014], люди с высшим образованием [Docquier, Peri, Ruysen, 2014]. Обычно сами потенциальные мигранты говорят о лучших социально-экономических условиях в месте, куда они стремятся переехать, но в реальности часто оказывается важнее их удовлетворенность жизнью в месте проживания, индивидуальные характеристики, социальные связи в месте притяжения, наличие «культуры миграции» в месте притяжения и месте исхода [Kandel, Massey, 2002; Otrachshenko, Popova, 2014]. В России миграционные намерения молодежи исследовались часто [Флоринская, Рощина, 2005; Варшавская, Чудиновских, 2014; Карачурина, Флоринская, 2019]. Данные и наблюдения показывают, что в последние десятилетия для нашей страны

характерна массовая миграция молодежи из периферии в центр [напр., Мкртчян, 2017; Рочева, Варшавер, 2020; Недосека, Шарова, 2020; Одинцов, Шипицин, Марченко, 2020].

Вероятно, можно говорить, что в регионах России сформирована «культура миграции», которая включает переезд как почти неотъемлемый составной элемент любых жизненных планов молодежи. Конечно, эти планы могут и не осуществляться, но поскольку именно они, а не фактическое поведение, являются предметом нашего интереса, миграционная составляющая настолько важна для нас.

Трансформационные изменения в России при переходе к рыночной экономике привели к усилению пространственного неравенства, что активизировало миграцию внутри страны. В последнее время правительство уделяет особое внимание социально-экономическому развитию Дальневосточного региона, но миграционный «западный дрейф» (переселение больших масс людей из восточных регионов России в западные) остается заметной тенденцией. В 2012 г. на острове Русский во Владивостоке проведен саммит АТЭС-2012, затем Восточный экономический форум, — для этого были построены современные дорогостоящие объекты инфраструктуры на Юге Дальнего Востока. Функционируют федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» до 2018 г. и госпрограмма «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» до 2025 г., цель которых — сделать регион конкурентоспособным.

Несмотря на инвестиции и программы развития, численность населения Дальнего Востока продолжает сокращаться (например, в 2016 г. на каждые 100 выбывших из региона в другие федеральные округа приходилось 69 прибывших), что делает данный регион особенно интересным с точки зрения изучения миграции и миграционных намерений. Уникальна ситуация в Приморском крае, поскольку там достаточно благоприятный климат и природные ресурсы, тем не менее миграция из региона остается интенсивной. Чаще всего переезжают в Южный, Центральный, Северо-Западный федеральные округа [Мотрич, Изотов, 2018]. Только в 2016 г. отток населения с Дальнего Востока, по сравнению с Сибирским ФО, замедлился. По мнению Е. Мотрич и Д. Изотова [там же], одним из факторов, способствующих относительной легкости миграции из региона, может быть продолжительность проживания в нем. Существенная часть населения Дальнего Востока — приезжие: по данным переписей населения, менее половины людей живут на Дальнем Востоке с рождения (в 2002 г. таких было 48,7 %, в 2010 г. — лишь 40,3 % [Итоги..., 2005; Итоги..., 2013]).

По реальному среднему доходу на душу населения (см. табл. 1) регион отстает от Центрального федерального округа, а Приморский край, являющийся объектом нашего изучения, отстает и от Северо-Западного и Уральского федеральных округов. По мнению ряда авторов [напр., Мотрич, Изотов, 2018], подтвержденному неоднократно высказываниями наших респондентов в ходе фокус-групповых дискуссий, существенной проблемой региона также является плохая транспортная связанность, создающая барьеры для развития сбалансированной внутрирегиональной экономики и снижающая качество жизни населения.

Таблица 1. Среднемесячные среднедушевые доходы по федеральным округам России и отдельно в Приморском крае в 2018 г., руб.⁴

СКФО	23370
СФО	24825
ПФО	26572
ЮФО	28161
Приморский край	33993
СЗФО	34900
УФО	34900
ДФО	39030
ЦФО	42893

Интересны данные по миграции молодежи от 15 до 30 лет из региона внутри России⁵ (см. рис. 1, 2 и 3).

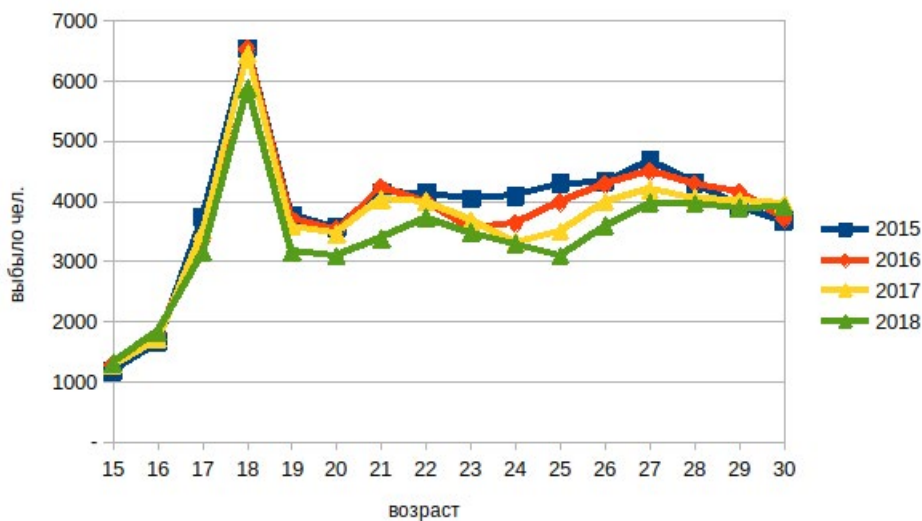

Рис. 1. Число выехавших из Дальневосточного федерального округа в другие регионы России, по годам и возрасту мигрантов, оба пола

⁴ Среднедушевые денежные доходы по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. 2019. 26 июня. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_11sub.htm (дата обращения: 14.09.2020).

⁵ Расчеты произведены автором. Источник данных: Миграционный прирост населения по полу, возрасту и потокам передвижения // Федеральная служба государственной статистики: Витрина статистических данных. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278004/> (дата обращения: 14.09.2020).

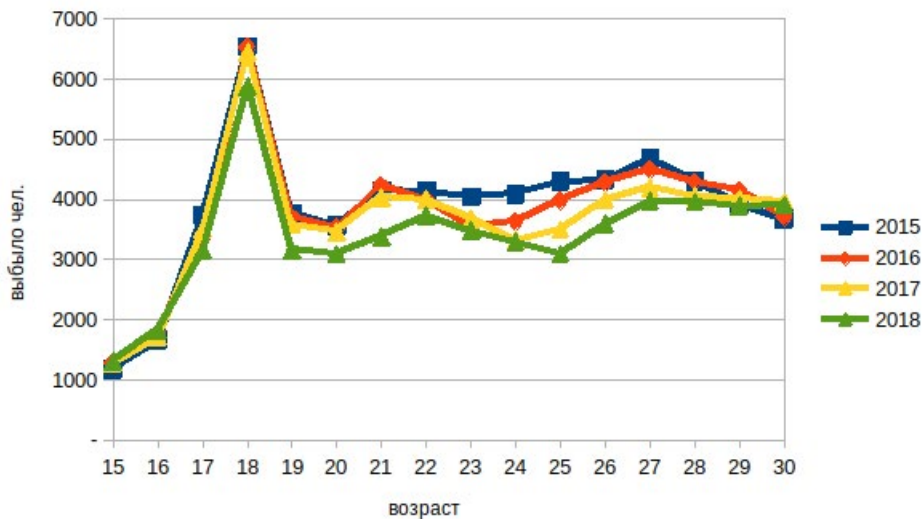

Рис. 2. Число выбывших из Дальневосточного федерального округа в другие регионы России, по годам и возрасту мигрантов, женщины

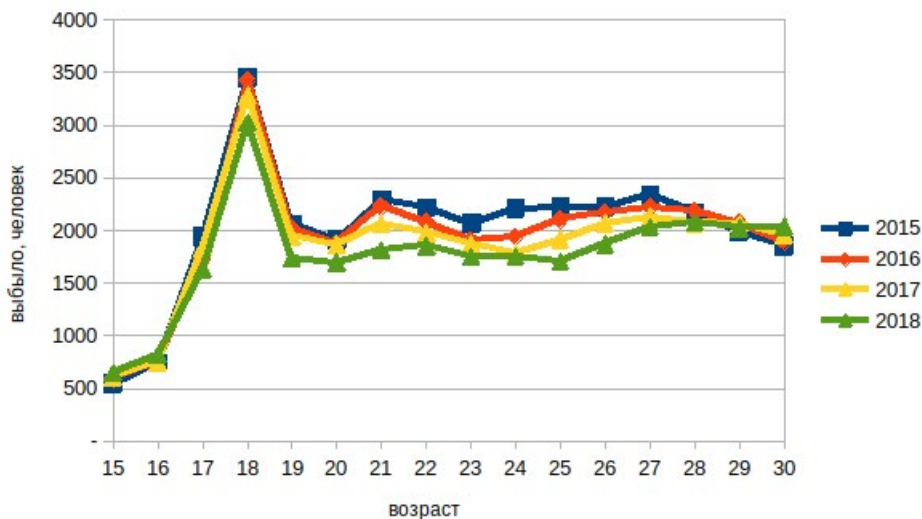

Рис. 3. Число выбывших из Дальневосточного федерального округа в другие регионы России, по годам и возрасту мигрантов, мужчины

Можно видеть, что наиболее интенсивна миграция в возрасте 18 лет, что связано с переездом в другой город для получения образования. Несколько чаще в этом возрасте переезжают женщины, к 2018 г. такая миграция у представите-

лей обоих полов сокращается, что может быть связано с улучшением образовательных возможностей внутри региона. Ситуация после окончания образования, в возрасте около 25 лет, характеризуется наибольшими изменениями трендов от года к году: эти изменения более заметны у мужчин, но проявляются и у женщин. С каждым годом в этом возрасте все меньше уезжают из региона — предположительно, благодаря открывающимся возможностям на Дальнем Востоке или из-за растущих барьеров для переезда на привлекательные территории. Динамика более заметна для юношей, возможно, потому, что они чувствуют себя менее привязанными к родственным сетям и/или в большей степени готовы рисковать ради карьеры: от них выше ожидания в отношении заработка, что заставляет их быстрее реагировать на изменения экономической привлекательности различных регионов. Однако к возрасту 30 лет различия между мигрирующими мужчинами и женщинами практически стираются, нет и изменений по годам. Все это может свидетельствовать о пока непрочном, несмотря на все инвестиции в развитие региона, тренде на удержание молодежи на территории Дальнего Востока. Возможно, описанная ситуация складывается в связи с появлением некоторого числа рабочих мест, достаточно привлекательных именно для вчерашних выпускников, но менее привлекательных для людей несколько более старшего возраста.

Материалы и методы

Данная статья основана на материалах фокус-групп (по шесть-восемь человек в каждой) со школьниками и студентами, проведенных в городах и селах Приморского края в сентябре и октябре 2019 г. При рекрутировании участников мы старались обеспечить примерно равное соотношение полов в каждой группе, в целом это получилось. Основной темой исследования были миграционные планы и намерения молодежи, но в их контексте участники часто затрагивали такие аспекты этих планов, которые можно связать с гендерными идеалами. Анализ именно этой части планов стал предметом настоящего исследования.

Всего мы провели 13 фокус-групп. Во Владивостоке было проведено две фокус-группы со студентами ДВФУ и одна группа со студентами ВГУЭС (Университет экономики и сервиса). В Арсеньеве — фактически моногороде, созданном вокруг известного вертолетного завода, — состоялась одна группа со школьниками; в селе Анучино (около 4000 жителей), недалеко от Арсеньева, — также одна группа со школьниками. В Дальнегорске, шахтерском поселении, характеризующемся сложной экологической обстановкой, прошла одна группа со школьниками и одна со студентами колледжа. Одна группа со школьниками состоялась в селе Рудная Пристань недалеко от Дальнегорска. В Уссурийске, ближе всего расположенном к китайской границе и озеру Ханка, живущему местной торговлей с Китаем, — по одной группе со школьниками в городе и близлежащем прибрежном селе Камень-Рыболов. В Находке состоялась одна группа со школьниками и одна со студентами местного отделения ДВФУ, а также одна в селе недалеко от города (Владими́ро-Алекса́ндровском). Важно отметить, что все исследованные села — большие, в них по несколько тысяч жителей. Возраст участников групп со школьниками был 14—16 лет, студенты колледжей и вузов были в возрасте 15—20 лет.

Исследование полностью выполнено в рамках качественной методологии. Для данной статьи использовался гендерный подход и интерпретивистская парадигма, то есть акцент на воссоздании исследуемыми их собственных общих смыслов, конструируемых в процессе обсуждения жизненных планов. На материале фокус-групп был выполнен качественный анализ текстов транскриптов.

Результаты: описание и анализ

Анализ текстов групповых интервью позволил выявить некоторые особенности мужских и женских планов на будущее. Методология позволяет выделить их скорее как отдельные специфические характеристики, связанные с гендером, чем как сформированные многокомпонентные стратегии. В каких соотношениях они присутствуют в индивидуальных решениях, мы сказать не можем, однако заметны нижеследующие «мужские» и «женские» особенности, а также общие черты, характеризующие картину будущего у школьников и студентов разных полов.

Особенности мужских планов на будущее

Первая особенность, чаще более однозначно высказываемая юношами в небольших городах и селах, связана с рано — уже в подростковом возрасте — появляющейся ответственностью за семью, в этот момент еще родительскую. Речь идет об ответственности за принятие решений, за то, чтобы в будущем содержать детей и уже сейчас знать, сколько для этого нужно денег, за то, чтобы семейный дом не разрушался, для этого в нем все время надо что-то чинить и достраивать:

Отца у меня нет, и в семье я принимаю довольно важные решения, с мамой мы всегда решаем, где мы будем отдыхать на море, и где, допустим, я буду работать, как правильно распределить бюджет, ну... я играю довольно важную роль, не ключевую, может быть. (Арсеньев, школьник)

Инф. 1: В семье с двумя детьми достаточно тысяч 100.

Инф. 2: Но достаточно с ограничениями.

Инф. 1: Но никаких отпусков, конечно. Это платить за коммунальные услуги, за квартиру и содержать детей. (Владивосток, студенты ДВФУ, муж.)

Инф.: А я батя. [все смеются] Я главный в семье.

Инт.: Хорошо. Расскажи тогда, как это проявляется, какие вопросы с тобой обсуждают, кто тебя слушает.

Инф.: Например, вчера я колотил... Ну, крыльцо. Пристройка такая.

Инт.: Тебе комфортно в этой ситуации? Ты любишь принимать такие решения важные?

Инф.: Да. (Владими́ро-Алекса́ндровское, школьник)

Чаще это проявляется у юношей в семьях, где нет отца, с отцом проблемы, или, наоборот, в очень благополучных, обеспеченных семьях, где есть хорошая связь с отцом, в том числе и в отношении разговоров о будущей жизни, советов и жизненных ориентиров.

Вторая особенность мужского отношения к жизни, влияющая на жизненные планы, чаще проявляется у более обеспеченных молодых людей, прежде всего студентов коммерческого вуза. Она связана с тем, что свое будущее эти студенты видят там, где можно будет «делать деньги», причем как можно больше. Хотя пока неясно, где и как это будет получаться, но присутствует нацеленность прежде всего на поиск таких возможностей:

Почему я выбрал Питер, потому что в СПбГУ крутятся большие деньги. (Владивосток, студент ВГУЭС)

Этот регион очень привлекателен именно для бизнесменов, тут очень легко развить свое дело и получать с него очень хорошие деньги. Если брать в сравнении с Москвой, то там очень большая конкуренция, а в Приморском крае ты можешь построить свою, допустим, корпорацию, и ты будешь получать большую прибыль, так как у тебя не будет конкуренции, здесь ничего нет почти. (Дальнегорск, школьник)

Вариант этого же стремления, но в ограниченном жизненными условиями виде встречается гораздо чаще — это ориентация на поиск хорошо оплачиваемых рабочих мест, причем их делает «мужскими» именно особенно высокая оплата, а не, например, тяжелые условия труда, опасность или сложность деятельности, требующая специального или высшего образования. Это характерно для юношей, чьи семьи занимают средние позиции в обществе, не являясь ни крайне бедными, ни живущими выше среднего уровня. При этом о том, чтобы развить свое дело и самому создать хорошие рабочие места, респонденты думать не осмеливаются, считая, что при ограниченных ресурсах их семей и/или из-за особенностей социально-политической ситуации в их местности это не получится — нужна просто работа:

Моряки приходят с такими огромными деньгами... (Находка, школьник)

Никто не даст здесь сделать свое дело просто так, мы все задавлены. (Уссурийск, школьник)

На данный момент в нашем крае есть одна очень важная проблема — безработица. Она имеет больше всего место быть в Дальнегорске, насколько я помню. Так как уже много раз слышал, что «работы нет». Поэтому и недвижимость стоит дешевле, чем в других городах. (Арсеньев, школьник)

Что меня могло бы мотивировать остаться в своем городе? Нужда города в высококвалифицированном специалисте, которому дают высокую зарплату. (Арсеньев, школьник)

У нас в селе работы нет, отсюда мужчины в основном вахтовым методом уезжают все работать, в море. (Анучино, школьник)

В Корею заработать деньги, если ты какой-то иностранец, намного легче, потому что для мужчин там есть определенные стройки, где ты можешь работать и получать хорошие деньги даже без языка. (Дальнегорск, студент колледжа)

Третья характеристика мужских планов, наиболее часто встречающаяся у студентов, — это стремление связать свою будущую работу с тем, чтобы «что-то делать в интернете», удаленная работа, при которой становится неважно, где ты живешь. Эта ориентация предполагает определенный уровень образования и наличие навыков, поэтому такие планы высказывают студенты и школьники, ориентированные прежде всего на учебу:

Я хочу быть социальным предпринимателем, есть такое онлайн-предпринимательство, используя социальные сети. При этом, кстати, не важно, где жить, можно выбрать приятный регион с дешевой жизнью. (Владивосток, студент ДВФУ)

Четвертая особенность мужских планов — то, что они часто строятся исходя из ориентации на неких сверстников или сообщество сверстников того же пола. Это все те же социальные сети, которые определяли трудовые стратегии многих молодых людей в прежние годы. Только теперь в них участвуют люди, с которыми участники фокус-групп знакомы лишь виртуально — но доверия к ним больше, чем к людям других поколений, знакомым в реальности:

Все профессии, которые реально востребованы, в области IT. Тот же менеджмент, политика, бизнес. Только с применением технологий блокчейна. Как друг из интернета мне объяснил, а я ему доверяю, что за блокчейном будущее. (Владивосток, студент ДВФУ)

Я раньше очень много времени проводил за компьютером, и основной круг лиц, с которыми я общаюсь, — это люди из-за границы, англоговорящие или русскоговорящие. И вот у меня есть друг, который живет в Финляндии, но, так как у него родители русские, он говорит по-русски. Он дает мне очень много советов, куда лучше поступить, как, вообще, что делать, и отчасти он мне дал идею насчет Чешской Республики, то, что туда можно очень легко поступить. (Дальнегорск, школьник)

Пятая «мужская» особенность, встречающаяся наиболее редко в нашей исследуемой совокупности, — это уже сформированная идентификация с будущей профессией, движение именно в этом направлении. Отношения с девушками, место проживания и деньги вторичны, но все же с профессией они должны быть связаны. Например, о доходе такие юноши не забывают:

В Арсеньев я не планирую возвращаться, потому что, скорее всего, моя профессия в этом городе будет не нужна заводу «Прогресс», а значит, в целом всему городу. (Арсеньев, школьник)

Ну, многие, в том числе моя семья, отговаривают меня от выбора этой профессии. Но я поставил цель и приложу немало усилий, чтобы добиться ее. Это журналистика. (Арсеньев, школьник)

В моем случае я еще с детства определился, кем я хочу быть, сразу захотел быть переводчиком, но, когда я уже подросток, захотел пойти, попробовать пойти в ДВФУ на международные отношения. Это достаточно трудное направление, нужны достаточно высокие баллы, поэтому надо сейчас очень хорошо трудиться, чтобы получить высокий балл. (Дальнегорск, школьник)

Если меня попросят сделать в школе какой-то, допустим, конкурс, в котором я смогу выиграть или достичь каких-то результатов для моей будущей профессии — типа рисование или какое-то видео сделать на компьютере, — я сделаю, мне несложно. (Рудная Пристань, школьник)

У этих юношей практически всегда образованные матери.

Один раз, но в очень определенной форме и степени, была выражена шестая характеристика планов на будущее, свойственная только юношам, — ориентация на силу как мужское, и в связи с этим намерение работать в силовых структурах, пока не важно, каких именно:

Инф.: Увлекаюсь спортом, играю на гитаре. Свою судьбу хочу связать либо с военным делом, либо с МЧС.

Инт.: Каким спортом занимаешься?

Инф.: Да любым. Волейболом, например, хожу в спортзал — в «качалку». (Рудная пристань, школьник)

Особенности женских планов на будущее

Среди особенностей женских планов на будущую жизнь тоже в первую очередь отметим рано проявляющуюся ориентацию на помощь людям: в семье, в школе, в дружеском коллективе. Это связано с тем, как девушки видят свою будущую жизнь, — в частности, они и профессии нередко выбирают именно связанные с помощью людям, например медицину:

Я часто стараюсь помогать и участвовать в жизни класса. В школе, если нужна будет помощь, то я обязательно помогу, и если учителя обращаются с какой-то просьбой — то они знают, что на меня можно положиться. (Арсеньев, школьница)

Я бы хотела еще больше в школе помогать. Нужно больше дежурных. Да, вот сейчас пока дежурные не справляются у нас. Малыши пока бегают, не слушаются. Всех сбивают. Неудобно. Ты идешь, и на пол падают дети, и ты боишься на них наступить. (Владими́ро-Александровское, школьница)

Учителя относятся ко мне хорошо, я участвую почти во всех школьных мероприятиях. Меня могут что-то попросить сделать. Я всегда помогаю в школе и так далее: пою, обычно я ведущая, могу спеть, рассказать стихотворение, участвую в сценках. Был, допустим, День учителя или 9 Мая. К нам могут подойти наши завучи и дать 50 открыток на 50 ветеранов, и мы, не все, конечно, ходили. Кто-то не мог, кто-то не хотел. Я вот с одноклассницей, которая уже выпустилась, мы вдвоем ходили по всему поселку,

по всем квартирам, часа два-три, поздравляли бабушек и дедушек. Они были рады, круто было. Жалко их всех. (Рудная Пристань, школьница)

Я бы хотела уехать во Владивосток во время обучения, я хочу поступить в мед[ицинский институт], на лечебное дело. (Дальнегорск, школьница)

Вторая особенность планов девушек на жизнь, как правило, высказываемая не теми, кто ориентирован на помощь людям, — это мнение, что главное — найти мужчину и устроиться в жизни через отношения с ним, причем эти отношения будут осознанно выбираться исходя из ресурсов мужчины. И те, и другие взгляды свойственны девушкам из разных семей по уровню дохода и образования, но стремление устроиться за счет мужчины чаще артикулируется самыми бедными и самыми богатыми:

Инт.: А в Казани оставаться жить не хочешь?

Инф.: Нет, почему? Если я кого-то себе найду, если будет будущее, то останусь там. (Владивосток, студентка ВГУЭС)

Инт.: На какую вы заработную плату рассчитываете после обучения?

Инф.: [шепотом] Да я не хочу работать. (Находка, студентка колледжа)

Третья характеристика женских планов на жизнь связана со стремлением некоторых состояться в профессии или бизнесе, стать «уважаемым человеком», имеющим достаточно высокие личные статус и доход. Выбор профессии или рода деятельности очень зависит от ориентации на реальные жизненные примеры знакомых женщин, которые смогли стать успешными через такую профессию или бизнес, что «можно женщине так работать и зарабатывать»:

В том же самом Дальнегорске у нас очень мало мест и вообще чего-то, что могло бы привлекать подростков, ты можешь построить кафе интересное, и основная часть населения будет ходить в это кафе. У нас очень мало мест для детей, если создать детское место, где можно будет проводить праздники и все остальное, место будет точно популярным. Какие-то там занятия развивающие, детские центры, как во Владивостоке, вот у меня сестра во Владивостоке, она знает женщину, у которой такой свой детский центр. (Дальнегорск, школьница)

Она в аспирантуре по маркетингу, она достаточно зарабатывает, себя обеспечивает, живет этой профессией, я думаю так же попробовать. (Владивосток, студентка ДВФУ)

Для меня важны примеры — например, тетя у меня учитель, — кем можно женщине работать, сколько при этом будешь зарабатывать. (Владивосток, студентка ДВФУ)

Бизнес — это интересно [говорят все одновременно] есть примеры у нас, именно у женщин бизнес, деньги неплохие. Раньше это была деревня, там даже школа есть. А теперь это, типа, база отдыха, они додумались отдавать свои дачные домики для

отдыха. Там классно. У каждого бюджет разный, сразу видно кардинальное расслоение общества. (Уссурийск, школьницы)

Четвертой особенностью жизненных планов у некоторых девушек можно назвать стремление учитывать мнение родственников, «слушаться родителей», что очень традиционно. Например, при выборе вуза и профессии девушка полагается на родителей, не принимает решений сама:

Инф.: Мою профессию выбирал папа.

Инт.: А папа почему выбрал такую?

Инф.: Потому что международное. Так как я не сдавала английский, я не пошла на международные отношения. Он сказал, тогда международный менеджмент. Я сказала, хорошо. (Владивосток, студентка ВГУЭС)

С этим же связана ориентация на не виртуальные, а на «живые» социальные сети, семью, ближайшее знакомое социальное окружение, в котором все всегда друг другу помогут, и мало что придется самой решать. При этом мало работать не придется, надо будет оказывать помощь в ответ, но зато все будет спокойно и ожидаемо:

Инф. 1: Мне нравится, что Арсеньев — это тихий, спокойный город, и люди никуда не спешат. То есть они могут кому-то помочь. Ну вот так.

Инф. 2: Люди, которые мне знакомы, могли бы меня здесь удержать. То есть это общество мне знакомо, привычно, и я привыкла жить в этом городе. (Арсеньев, школьницы)

Инт.: А когда закончится учеба, считаете, что будут какие-то «якоря», которые будут вас держать здесь?

Инф.: Семья.

Инт.: То есть мама, она как бы не пускает, или вам самим не хочется уезжать?

Инф.: Не хочется уезжать далеко от родителей. Ну тут вся родня. (Находка, студентка колледжа)

Пятая особенность женских планов связана с неопределенными, неинструментализированными мечтами о «другой жизни», о том, чтобы как-то вырваться в другую среду, с помощью переезда решить сразу все вопросы, изменить жизнь, которая автоматически при этом станет лучше:

Я вообще хочу уехать либо в какой-нибудь центр России, куда-нибудь подальше от Приморского края, либо вообще из России уехать, непатриотично, конечно, но не суть. Я в принципе не привязана ни к какому месту, то есть я могу в принципе уехать куда угодно и я могу существовать сама по себе, для меня это не составит трудности. (Дальнегорск, школьница)

В моем случае, куда я хочу — это даже не регионы, а города, которые не похожи на наши, где люди... все хотят развиваться, многие хотят развиваться в какой-то сфере, становиться лучше, а есть города, где люди, которые живут... как типичные россияне, просто работают, плюс дом, выпивают. (Дальнегорск, школьница)

Я пыталась пообщаться с кем-то из Америки, в сетях. Я хотела, чтобы у меня был друг по переписке из другой страны. (Рудная Пристань, школьница)

Общие черты жизненных планов мужчин и женщин

В планах студентов и школьников на будущее устройство в жизни есть и общее, не зависящее от гендера. Для многих юношей и девушек характерны реалистичные планы продвижения в жизни через членов семьи, кого-то, кто уже переехал в более привлекательный регион и устроился там или имеет профессию, дающую преимущества в жизни. Наличие такого человека в сетях взаимопомощи может влиять на выбор города для обучения и даже профессии:

У меня брат пашет в ДМУ [морское училище], и уже учится на третьем курсе, уже пошел на практику, в плавание. У него, в принципе, все очень хорошо. Он зарабатывает деньги неплохие. И будет переходить на четвертый курс. Я для себя вывожу пару городов: либо уже пойти по стопам брата, уже по натопанному, либо переехать в Хабаровск или Владивосток, может даже в Питер. Я еще толком не определился. (Находка, школьник)

Вторая общая черта жизненных планов и у юношей, и у девушек может быть связана с нестабильностью современного социально-экономического устройства, ранним осознанием необходимости гибкости в приспособлении к жизни. Это осознание первой профессии при обучении лишь как ступени в поисках себя, наличие планов дальше учиться по другой профессии и вообще пробовать себя в разных направлениях:

Инт.: Вы планируете работать по специальности, по которой учитесь, или для вас это какой-то формальный этап в жизни? Какие планы у вас?

Инф. 1: Ну как получится.

Инф. 2: Точно не по профессии. (Находка, студенты колледжа)

Заключение

Мы не можем судить о том, поступят ли молодые люди в соответствии с высказанными ими планами и намерениями: формат исследования этого не позволяет, мы говорили с этими студентами и школьниками только один раз. Но мы можем сопоставить наши выводы с приводившейся статистикой. Данные статистического агентства показывают несколько более быстрые изменения миграционных трендов для мужчин в возрасте после получения образования, возможно, в связи с более быстрой реакцией на конъюнктурные изменения, поскольку от мужчин ожидается более высокий доход, содержание семьи. Также мы можем видеть, что миграция остается достаточно интенсивной, это отражено в наличии

миграционных намерений и планов у большей части опрошенных нами студентов и школьников.

Две чаще всего встречающиеся характеристики жизненных планов юношей — это ориентация на разнообразную ответственность, материально-хозяйственную (за дом, за семью) и финансовую («делать» деньги или просто как можно больше зарабатывать, без уточнения, что траты будут направлены на семью). То есть это традиционная роль добытчика, кормильца, но в постсоветской российской трактовке; та маскулинность, образцы которой молодые люди, вероятно, могут видеть в поколении своих родителей.

У девушек две основные характеристики жизненных планов также, видимо, традиционные в постсоветской российской версии: это стремление помогать, быть всегда готовой откликнуться на просьбу и считать основой жизни брак или отношения с успешным мужчиной. Как и соответствующие у юношей, эти две черты планов у девушек могут пересекаться в одном человеке, но чаще встречаются по отдельности у разных людей.

На наш взгляд, эти черты, в терминологии Ю. Зубок и В. Чупрова [Зубок, Чупров, 2017], можно считать «гибридными», «новым вином в старых мехах», ибо они соответствуют реальности современной российской жизни, а не архаике русской деревни, домоустройству российских дворян или традиционно-советским образцам. В новой реальности от мужчины в семье ожидается прежде всего доход, а умение поддержать и все сделать своими руками ценится только в ситуации, когда понятно, что окружающая обстановка не способствует извлечению сверхдоходов любой ценой, как ни старайся. Женский же вариант жизни очень редко связан с возможностью полностью «расслабиться» и жить за счет мужчины, хотя эти идеи и остаются привлекательными для многих. Чаще он предполагает вспомогательную работу, обычно очень интенсивную, времязатратную, как на рынке труда, так и в семье, готовность заниматься широким кругом видов деятельности, всем, с чем столкнет жизнь, быть высокоадаптивной.

Сложно сказать, можно ли эти варианты считать традиционными или модернизированными с точки зрения маскулинности и феминности. По О. Ключко и Л. Штылевой [Штылева, Ключко, 2019], и первые, и вторые предполагают довольно эгалитарный подход с точки зрения общего объема ответственности за семью: либо она велика у обоих, либо оба скорее индивидуалистичны. Жизнь нового поколения, видимо, будет выходить за границы этих, уже родительских, образцов, в связи с чем интересно рассмотреть и другие, новые характеристики жизненных планов молодежи, ведь обновление сценариев жизни, по Ю. Зубок и В. Чупрову [Зубок, Чупров, 2017], присуще молодежи в любую эпоху.

Среди таких особенностей планов у юношей прежде всего обращает на себя внимание ориентация на виртуальное — работу в интернете и виртуальных друзей, советы которых по поводу устройства в жизни становятся чуть ли не более весомы, чем мнения «реальных» друзей или старшего поколения. Работа становится удаленной, степень физической свободы от нее, с одной стороны, растет, так как не надо сидеть в офисе и можно жить сколь угодно далеко от «места» работы, — но режим труда может оказаться интенсивным, о полной свободе говорить все равно не приходится.

Для девушек новой для России чертой жизненных планов является ориентация на работу без привязки к семье. Это становится все более привлекательным, но очень важны образцы успешных женщин, показывающие, как именно женщина может добиться успеха, в каких областях это получается. Довольно сильно стремление следовать таким образцам, не стремясь ни жить за счет мужчины, ни исполнять в семье многофункциональную помогающую роль.

Остальные гендерно-специфические варианты жизненных планов являются более редкими, дополнительными, отражающими еще более раннюю эпоху модерна. Для юношей это ориентация на профессию или на силу, стремление чего-то целеустремленно добиваться на избранном пути, притом что как деньги, так и долг перед семьей вторичны. Для девушек аналогичным «пережитком» прежних норм можно до некоторой степени считать «мечтательность», отсутствие четких инструментальных планов, как именно изменить свою жизнь, стремление «вырваться» из среды, а там все как-нибудь само устроится, — или, наоборот, привязанность к родительской семье, местным социальным сетям, отсутствие желания дерзать и что-то менять, что-то самостоятельно решать.

Есть черты молодежных жизненных планов, общие для юношей и для девушек. Продвижение в профессию и город, уже «освоенные» кем-то из родственников, можно считать традиционной чертой, а восприятие образования как ступенчатого, возможности менять профессию несколько раз в жизни как неотъемлемого права (и, возможно, необходимости) — новой особенностью.

Впрочем, можно интерпретировать результаты и иначе. И женские, и мужские, и общие для обоих полов варианты можно разделить на такие, для которых характерна ориентация на встраивание в коллективность — это и стремление много зарабатывать на семью и/или самостоятельно чинить и поддерживать дом у юношей, и стремление ориентироваться на родственные (у девушек) или дружеские (у юношей) связи, и ориентация на помощь людям у девушек; и те варианты, которые связаны с индивидуализацией жизненного пути: у девушек это карьера без привязки к семье, у юношей — интересная профессия без размышлений о том, какой доход она будет приносить. С точки зрения миграции у юношей планы уехать могут быть связаны с коллективностью, с друзьями, которые помогут в месте притяжения. Девушки говорят о коллективности, наоборот, удерживающей дома, а уехать хотят в случае, когда им важнее индивидуальные цели, иногда неясные им самим, но связанные с поиском лучшего, ощущением, что они достойны лучшего. Индивидуалистические цели у юношей, наоборот, не обязательно предполагают переезд, они могут быть связаны с отказом от «чрезмерной» жизненной борьбы.

В целом школьники и студенты Приморского края демонстрируют сложную совокупность традиционных и очень модернизированных особенностей жизненных планов в разнообразных сочетаниях. Гендерная составляющая проявляется достаточно ярко и в разных «пластах» традиционного, и в новом. Но и у юношей, и у девушек растет стремление к индивидуализированному жизненному пути, а также понимание, что необходимо быть гибкими, адаптивными и непрерывно учиться всю жизнь.

Список литературы (References)

- Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
Abulkhanova-Slavskaya K. A. (1991) *Life Strategy*. Moscow: Mysl. (In Russian.)
- Арчер М. Реализм и морфогенез // Теория общества. Сборник / вступ. статья, сост. и общ. ред. А. Ф. Филиппова. М.: Канон-Пресс-Ц, 1999. С. 63—78.
Archer M. (1999) *Realism and Morphogenesis*. In: Filippov A. F. (ed.) (1999) *Theory of Society. A Collection of Works*. Moscow: Kanon-Press-C. P. 63—78. (In Russ.)
- Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
Beck U. (2000) *Risk Society: Towards a New Modernity*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)
- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
Baudrillard J. (2000) *L'Échange Symbolique et la Mort*. Moscow: Dobrosvet. (In Russ.)
- Варшавская Е. Я., Чудиновских О. С. Миграционные планы выпускников региональных ВУЗов России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2014. № 3. С. 36—58.
Varshvskaya E. Ya., Chudinovskikh O. S. (2014) *Migration Intentions of Graduates of Russia's Regional Higher Educational Institutions*. *Moscow University Economics Bulletin*. No. 3. P. 36—58. (In Russ.)
- Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 107—134.
Giddens A. (1994) *Fate, Risk and Security*. *THESIS*. No. 5. P. 107—134. (In Russ.)
- Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004.
Giddens A. (2004) *The Transformation of Intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Ерофеева М. А. Гендерные образы учащейся молодежи в социальной сети «ВКонтакте» // Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи. Сборник материалов тематической секции Всероссийской научно-практической конференции / под науч. ред. О. И. Ключко, А. А. Чекалиной. Санкт-Петербург: ООО «НИЦ АРТ», 2018. С. 35—40.
Erofeeva M. A. (2018) *Student Youth's Gender Images in «VKontakte» Social Network*. In: Klyuchko O. I., Chekalina A. A. (eds.) *Gender Transformations in the Mentality and Socialization of Student Youth*. Saint Petersburg: NITS ART. P. 35—40. (In Russ.)
- Жизненные планы молодежи / отв. ред. М. Н. Руткевич. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1966.
Rutkevich M. N. (ed.) *The Life Plans of Youth*. Sverdlovsk: Ural University Press, 1966. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность, новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2017. Вып. 15. С. 12—48.

Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2017) Contemporary Sociology of Youth: Changing Reality, New Theoretical Approaches. In: Gorshkov M. K. (ed.) *Russia is Reforming. A Yearbook*. Moscow: New Chronograph. No. 7. P. 12—48. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 13—41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>.

Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2020) Youth Life Strategies: Implementation of Expectations and Social Moods. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 13—41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>. (In Russ.)

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года : в 14 т. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2005. Т. 10: Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства.

Results of the Russian Census 2002: in 14 vols. (2005) Moscow: Federal State Statistic Service. Vol. 10: Duration of Residence in the Place of Permanent Residence. (In Russ.)

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года : в 11 т. М.: Информационно-издательский центр «Статистика России», 2013. Т. 8: Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства.

Results of the Russian Census 2010: in 11 vols. (2013) Moscow: Center for Information and Publishing «Statistics of Russia». Vol. 8: Duration of Residence in the Place of Permanent Residence. (In Russ.)

Карачурина Л. Б., Флоринская Ю. Ф. Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2019. № 6. С. 82—89.

Karachurina L. B., Florinskaya Yu. F. (2019) Migration Intentions of School Graduates in Small and Midsize Towns of Russia. *Moscow University Bulletin. Series 5. Geography*. No. 6. P. 82—89. (In Russ.)

Касаткина Н. П., Шумкова Н. В. От самообразования к самозанятости: непарадный вход молодежи на рынок труда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 201—223. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1600>.

Kasatkina N. P., Shumkova N. V. (2020) From Self-Education to Self-Employment: Back Entrance for Youth to the Labor Market. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 201—223. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1600>. (In Russ.)

Клецина И. С., Иоффе Е. В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен. М.: Проспект, 2017.

Kletsina I. S., Ioffe E. V. (2017) Gender Norms as a Socio-Psychological Phenomenon. Moscow: Prospekt. (In Russ.)

Кон И. С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Постклассические гендерные исследования / отв. ред. Н. Х. Орлова. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2011. С. 8—32.

Kon I. S. (2011) Three in One: Sexual, Gender and Family Revolution. In: Orlova N. Kh. (ed.) *Postclassic Gender Studies*. Saint Petersburg: St. Petersburg University Press. P. 8—32. (In Russ.)

Коннелл Р. Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика / пер. с англ. Т. В. Барчуновой; под науч. ред. И. Н. Тартаковской. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Connell R. (2015) *Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics*. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.)

Костерина И. В. Жизненно-стилевые особенности практик маскулинности в молодежной среде: дис. ... канд. социол. н.: 22.00.06. Саратов, 2011.

Kosterina I. V. (2011) *Life-Style Features of Masculinity Practices among Youth*. PhD Thesis in Sociology. Saratov. (In Russ.)

Лисовский В. Т. Эскиз к портрету: Жизненные планы, интересы и стремления советской молодежи. М.: Молодая гвардия, 1969.

Lisovsky V. T. (1969) *Sketch for the Portrait: Life Plans, Interests and Aspirations of the Soviet Youth*. Moscow: Molodaya Gvardiya. (In Russ.)

Луков В. А. Теории молодежи. Междисциплинарный анализ. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2012.

Lukov V. A. (2012) *Theories of Youth. Interdisciplinary Analysis*. Moscow: Kanon + ROOI "Rehabilitation". (In Russ.)

Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 135—160.

Luhmann N. (1994) *Der Begriff Risiko*. THESIS. No. 5. P. 135—160. (In Russ.)

Мкртчян Н. В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 225—242. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.15>.

Mkrtchyan N. V. (2017) The Youth Migration from Small Towns in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 225—242. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.15>. (In Russ.)

Мотрич Е. Л., Изотов Д. А. Современные тенденции и проблемы миграции в приграничном регионе: Дальний Восток // Проблемы прогнозирования. 2018. № 3. С. 28—37.

Motrich E. L., Izotov D. A. (2018) Modern Trends and Problems of Migration in a Russian Border Region: The Far East. *Studies on Russian Economic Development*. No. 3. P. 28—37. (In Russ.)

Недосека Е. В., Шарова Е. Н. Особенности жизненных стратегий молодежи в условиях Арктики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 355—375. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1611>.

Nedoseka E. V., Sharova E. N. (2020) Features of Youth's Life Strategies in the Arctic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 355—375. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1611>. (In Russ.)

Одинцов А. В., Шипицин А. И., Марченко А. Ю. Центроостремительная миграция молодежи из российской провинции: причины и тенденции (на примере Волгоградской области) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 335—354. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.788>.

Odintsov A., Shipitsin A., Marchenko A. Yu. (2020) Centripetal Migration of Young People from the Russian Province: Causes and Trends (Example of Volgograd Region). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 335—354. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.788>. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 52—61.

Omelchenko E. L. (2013) Solidarities and Cultural Practices of Russian Youth at the Beginning of the 21st Century: A Theoretical Aspect. *Sociological Studies*. No. 10. P. 52—61. (In Russ.)

Павленко Е. С., Якубовская А. А. Интерпретации взросления и формирование образовательных траекторий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 376—390. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1604>.

Pavlenko E. S., Yakubovskaya A. A. (2020) Interpretations of Adulthood and Formation of Educational Trajectories. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 376—390. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1604>. (In Russ.)

Рочева А. Л., Варшавер Е. А. Миграционные намерения молодежи с миграционным бэкграундом и без: российский случай // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 295—334. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1632>.

Rocheva A. L., Varshaver E. A. (2020) Migration Intentions of Youth with and without Migrant Backgrounds: A Russian Case. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 295—334. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1632>. (In Russ.)

Руткевич М. Н. Жизненные планы молодежи // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. М.: Academia, 2008. С. 118—119.

Rutkevich M. N. (2008) Youth Life Plans. In: Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (eds.) *Sociology of Youth. Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Academia. P. 118—119. (In Russ.)

Семенова В. В. Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2003. Вып. 3. С. 213—237.

Semenova V. V. (2003) Contemporary Conceptual and Empirical Approaches to the Concept of «Generation». In: Drobizheva L. M. (ed.) *Russia is Reforming. A Yearbook*. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. No. 3. P. 213—237. (In Russ.)

Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1998.
Smelser N. (1998) *Sociology*. Moscow: Phoenix. (In Russ.)

Сухарева Н. Ф. Трансформации представлений о семье и родительстве провинциальной молодежи // Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи. Сборник материалов тематической секции Всероссийской научно-практической конференции / под науч. ред. О. И. Ключко, А. А. Чекалиной. Санкт-Петербург: ООО «НИЦ АРТ», 2018. С. 83—92.

Sukhareva N. F. (2018) Transformations of Provincial Youth's Ideas about Family and Parenting. In: Klyuchko O. I., Chekalina A. A. (eds.) *Gender Transformations in the Mentality and Socialization of Student Youth*. Saint Petersburg: NITS ART. P. 83—92. (In Russ.)

Тихомиров Д. А., Новицкая К. В. Представления молодежи Москвы о гендерных ролях и характеристиках современной женщины // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 3. С. 90—102. <http://dx.doi.org/10.17805/ggz.2018.3.6>.

Tikhomirov D. A., Novitskaya K. V. (2018) Moscow Youth's Representations of Gender Roles and Characteristics of a Modern Woman. *Gorizonty Gumanitarnogo Znaniia*. No. 3. P. 90—102. <http://dx.doi.org/10.17805/ggz.2018.3.6>. (In Russ.)

Филиппов Ф. Р. Планы жизненные // Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. М.: Издательская группа НОРМА — ИНФРА-М, 1998. С. 380—381.

Filippov F. R. Life Plans. In: Osipov G. V. (ed.) (1998) *Russian Sociological Encyclopedia*. Moscow: NORMA — INFRA-M. P. 380—381. (In Russ.)

Флоринская Ю. Ф., Рощина Т. Г. Миграционные намерения выпускников школ малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2005. № 2. С. 77—87.

Florinskaya Yu. F., Roshchina T. G. (2005) Migration Intentions of the School Graduates in Small Towns. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 77—87. (In Russ.)

Хитрук Е. Б. Мужественность и «мужские проблемы» в представлениях современных юношей // Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи. Сборник материалов тематической секции Всероссийской научно-практической конференции / под науч. ред. О. И. Ключко, А. А. Чекалиной. Санкт-Петербург: ООО «НИЦ АРТ», 2018. С. 103—112.

Khitruk E. B. (2018) Contemporary Young Men's Vision of Masculinity and «Problems of Men». In: Klyuchko O. I., Chekalina A. A. (eds.) *Gender Transformations in the Mentality and Socialization of Student Youth*. Saint Petersburg: NITS ART. P. 103—112. (In Russ.)

Штомпка П. Доверие — основа общества. М.: Логос, 2012.

Sztompka P. (2012) *Zaufanie. Fundament społeczeństwa*. Moscow: Logos. (In Russ.)

- Штылева Л. В., Ключко О. И. Гендерные трансформации в ментальности современных российских школьниц // *Перспективы науки и образования*. 2019. No. 2. С. 240—255. <https://doi.org/10.32744/pse.2019.2.18>.
- Shtyleva L. V., Klyuchko O. I. (2019) Gender Transformation in the Mentality of the Modern Russian School Girls. *Perspectives of Science and Education*. No. 2. P. 240—255. <https://doi.org/10.32744/pse.2019.2.18>. (In Russ.)
- Bjarnason T. (2014) Adolescent Migration Intentions and Population Change: A 20-Year Follow-Up of Icelandic Communities. *Sociologia Ruralis*. Vol. 54. No. 4. P. 500—515. <https://doi.org/10.1111/soru.12050>.
- Bessant J., Farthing R., Watts R. (2017) *The Precarious Generation: A Political Economy of Young People*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315644493>.
- Chort I. (2014) Mexican Migrants to the US: What Do Unrealized Migration Intentions Tell Us about Gender Inequalities? *World Development*. Vol. 59. P. 535—552. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2014.01.036>.
- Crofts J., Cuervo H., Wyn J., Smith G., Woodman D. (2015) *Life Patterns: Ten Years Following Generation Y*. Melbourne: Youth Research Centre, University of Melbourne.
- Docquier F., Peri G., Ruysen I. (2014) The Cross-Country Determinants of Potential and Actual Migration. *International Migration Review*. Vol. 48. No. 1_suppl. P. 37—99. <https://doi.org/10.1111/imre.12137>.
- Efendic A. (2016) Emigration Intentions in a Post-Conflict Environment: Evidence from Bosnia and Herzegovina. *Post-Communist Economies*. Vol. 28. No. 3. P. 335—352. <https://doi.org/10.1080/14631377.2016.1166800>.
- Furlong A., Stalder B., Azzopardi A. (2000) *Vulnerable Youth: Perspectives on Vulnerability in Education, Employment and Leisure*. Strasbourg: Council of Europe Publications.
- Kandel W., Massey D. S. (2002) The Culture of Mexican Migration: A Theoretical and Empirical Analysis. *Social Forces*. Vol. 80. No. 3. P. 981—1004. <https://doi.org/10.1353/sof.2002.0009>.
- Kelly P., Kamp A. (eds.) (2015) *A Critical Youth Studies for the 21st Century*. Leiden: Brill. <https://doi.org/10.1163/9789004284036>.
- Kimmel M. (2008) *Guyland: The Perilous World Where Boys Become Men*. New York, NY: Harper.
- MacIntyre A. (1981) *After Virtue*. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press.
- Munsch C. L., Gruys K. (2018) What Threatens, Defines: Tracing the Symbolic Boundaries of Contemporary Masculinity. *Sex Roles*. Vol. 79. No. 7—8. P. 375—392. <https://doi.org/10.1007/s11199-017-0878-0>.
- Otrachshenko V., Popova O. (2014) Life (Dis)Satisfaction and the Intention to Migrate: Evidence from Central and Eastern Europe. *Journal of Socio-Economics*. Vol. 48. P. 40—49. <https://doi.org/10.1016/j.socec.2013.09.008>.

Pleck J. H. (1981) *The Myth of Masculinity*. Cambridge, MA: MIT Press.

van Dalen H. P., Henkens K. (2013) Explaining Emigration Intentions and Behavior in the Netherlands, 2005—2010. *Population Studies*. Vol. 67. No. 2. P. 225—241. <https://doi.org/10.1080/00324728.2012.725135>.

Walther A., Stauber B., Biggart A., du Bois-Reymond M., Furlong A., López Blasco A., Mørch A., Machado Pais J. (eds.) *Misleading Trajectories: Integration Policies for Young Adults in Europe? Wiesbaden: Springer: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2002.* <https://doi.org/10.1007/978-3-663-10808-5>.

Wyn J., Cahill H., Woodman D., Cuervo H., Leccardi C., Chesters J. (eds.) (2020) *Youth and the New Adulthood: Generations of Change*. Singapore: Springer Nature. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-3365-5>.

Zaremohzzabieh Z., Ahrari S., Krauss S. E., Samah A. A., Omar S. Z. (eds.) (2020) *The Handbook of Research on Youth Work in a Digital Society*. Hershey, PA: IGI Global.